

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В.ВИНОГРАДОВА

ЭТИМОЛОГИЯ

2003–2005

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ж. Ж. ВАРБОТ

МОСКВА
НАУКА
2007

- ¹¹ Меркулова В.А. Народные названия болезней (на материале русского языка). IV // Этимология 1986–1987. М., 1989, 152.
- ¹² К-ка СГРС.
- ¹³ Картотека костромского словаря. Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Кафедра русского и общего языкознания. Екатеринбург.
- ¹⁴ К-ка СГРС.
- ¹⁵ Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981, 43.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Куркина Л.В. От *terra inculta* к *terra culta* (на материале лексики подсечно-огневого земледелия) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М., 2003, 50–78.

А. Лома

ОДНА СЛАВЯНО-ИРАНСКАЯ ИЗОГЛОССА В ОБЛАСТИ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ СТ.-СЛАВ. ВЪТЪПЪ: Н.-ПЕРС. GIRDĀB*

Рассматриваемое здесь слово, с точки зрения этимологов, пришло из старославянского языка, в котором оно представлено в форме *вѣтъпъ* и обычно передает греч. *σπήλαιον* ‘пещера’. Только на одном месте евангелия от Иоанна (XIX, 41) данное слово является переводом греч. *κῆλος* ‘сад’, дублируя в этом значении *вѣтъ*, а в Супрасльской рукописи встречается и сложное слово *вѣт(ъ)логрѣдъ* как вариант к *вѣтогрѣдъ* ‘*παράδεισος*’. Из старославянского происходит др.-рус. *вѣтъпъ*, рус., укр. *вертѣп* ‘пещера, притон; сценическое изображение рождества Христова’; в последнем значении русско-церковнославянское слово заимствовано сербским языком.

Миклошич охарактеризовал *вѣтъпъ* как “темное слово”¹, тогда как Фасмер (I, 300), исходя из значения ‘сад’, возводил его вместе с *вѣтъ* к и.-е. корню *wer-* ‘запирать’, несмотря на то, что ему было известно болг. диал. *врѣтѣп* ‘водоворот’², которое уже Младеновым (Младенов 92 s.v. *врѣна*) было причислено к производным от глагола **vǔrtěti*. В другом месте болгарский ученый объяснял *-on* как суффикс, выделяемый и в болг. *вѣрзон* ‘связка’, от **verzti*, **vrzq³*. Этимологию Младенова приняли независимо друг от друга Петар Скок, который объясняет *вѣтъпъ* ‘сад’ как плод вторичной конта-

* Работа выполнена по проекту 1591 “Этнологическое изучение сербского языка и создание этимологического словаря сербского языка”, который финансируется Министерством науки и защиты окружающей среды республики Сербия.

минации с *врѣтъ* (Skok III, 578 s.v. *vertep*) и Иозеф Шюц (Schütz 43)⁴. Последний, говоря о с.-хорв. диал. *врѣтон* ‘маленькое бассейнообразное или воронкообразное углубление в карсте’, ссылается на ряд созвучных синонимов в сербохорватском языке: *врѣчаца*, *врѣтања*, *врѣлина* и особенно *заврѣтек*, отглагольное происхождение которого очевидно.

Позднее рассматриваемым здесь словом занимался Вл. Георгиев⁵. Он тоже отделяет *врѣтъпъ* от *врѣтъ* и исходит из значения ‘водоворот’, представленного в болгарском языке, которое и сам относит к праслав. **vert-* ‘вертеть(ся)’, но опровергает существование суффикса *-on*, объясняя конец слова в *врѣзѣон* влиянием близкого по значению слова *сноп*, в то время как конечный слог в *врѣтъпъ*, *врѣтон* интерпретирует как второй член сложного слова, восходящий к и.-е. **uro-s* ‘вода, река’. Следовательно, структура слова в целом была бы та же, что и в рус. *водоворот* только с обратной последовательностью членов.

Такая интерпретация, принятая в БЕР (I, 212) и указанная О.Н. Трубачевым в его дополнении к статье *вертеп* в словаре Фасмера (Фасмер I, 300–301), в словообразовательном отношении лучше вышеупомянутой ‘суффиксальной’. Что касается семантического развития, то можно допустить, что оно шло от ‘водоворот’ через ‘воронкообразное углубление (изначально в каменистом дне реки под водоворотом, а потом и на суше)’ к ‘пещера’, а, с другой стороны, – к ‘сад’ (поскольку долины такой формы использовали в карстовых ландшафтах для садов). Кажется, что и другие значения слова, засвидетельствованные в болгарских диалектах такие, как ‘излучина реки’, ‘яма, овраг, ущелье’, ‘вихрь’ и т.д., можно возвести к той же исходной семантике вращательного движения воды.

Этимологию Георгиева в некоторых пунктах надо всё-таки уточнить. Ввиду наличия серб. *врѣтон* и болг. диал. *врѣѣон* в тех западных диалектах, где *ѣ* не переходит в *о*, он предположил здесь вариант исследуемого слова, содержащий в качестве второго члена другое и.-е. обозначение воды – **ap-*⁶. Однако распространение слова *врѣтон* в сербохорватском ограничивается юго-восточными сербскими говорами, в которых надо учесть возможность восточно-южно-славянского влияния. Более того, название деревни *Врѣтон*, к югу от Призрена, засвидетельствовано грамотой 1348 г. в форме прилагательного *врѣтъпскы (дѣль)*⁷, откуда явствует, что *о* в современной форме отражает *ѣ* в духе македонской фонетики. Таким образом, реконструкция праслав. **vr̥torъ* наряду с **vr̥tъrъ*, сама по себе маловероятная, оказывается вряд ли обоснованной; к тому же трудно говорить и о наличии слова на славянском юге вне болгарско-македонского ареала и граничащего с ним юго-востока сербской языковой территории⁸. На её западе свидетельства ограничиваются двумя сомнитель-

ными формами: *vrten* ж.р. в примере: (*grob Isusov*) *unutra stijenom izsječenom ko prigradom prodijeljen u dvije vrtepi ili klijeti* (Rosa) 1764 г. (RJA s.v.), церковнославянское происхождение которой очевидно, и *vrtna* ж.р. 'пещера' в словаре его земляка Стулича, опубликованном в 1806 г. в Дубровнике, которой также нет подтверждения в живом говоре⁹. Словен. *vrtep*, *-éra* 'die Grotte' также является лексикографическим гапаксом. Мы находим его только в словенско-немецком словаре Плетершника, где отмечено, что данное слово записано Цафом в области Похорья. Показательно, что, рассматривая топоним *Vrtojha*, Безлай передает устное сообщение Оштира, указавшего в качестве возможной параллели церковнославянскую форму *врѣтънь*, а не предполагаемый словенский диалектизм¹⁰.

С другой стороны, слово хорошо засвидетельствовано в форме *hîrtóp*, устар. *vîrtop*, ср. *vîrtoapă* ж.р. в румынском литературном и народном языке, где оно, кроме значений 'пещера' и 'притон', представленных в церковнославянском языке, проявляет и такие значения, как 'углубление в почве, котловина, ущелье, углубление на дороге, яма, дыра'¹¹. Румынское слово обычно выводится из южнославянского, но при этом упускаются из виду восточнославянские факты, пока недостаточно привлекавшиеся для обсуждения. Дело в том, что, кроме вышеупомянутых значений 'пещера' и 'притон', слово отмечено в русских народных говорах в разных формах и с разветвленной семантикой. Фасмер (I, 300–301) приводит лишь др.-рус. (галицко-волын.) *вертебъ* и рус. диал. (твер.) *вертебище*, тогда как В.В. Владимирская в статье, предметом которой является столкновение в русском литературном языке двух омонимов единого (церковнославянского) происхождения *вертеп* 'пещера' и *вертеп* 'притон'¹², лишь мимоходом (на стр. 38) упоминает областное (смол.) значение 'овраг, яма; большой ров, заросший кустами'. В СРНГ (4, 151; 152; 150) находим следующие данные: *вертѣп* 'большой овраг с непроходимым кустарником, лесом' (Даль без указ. места; калуж., смол., перм.), 'возвышенность, холм с логами' (перм.), 'карстовая поглощающая воронка, куда население отводит болотные воды для осушки земли' (моск., тул.), *вертѣна* 'крутая гора, покрытая густым, непроходимым лесом' (перм.), *вертепѣжина* 'впадина, образовавшаяся от размыва водой, рытвина; ухаб на дороге' (моск.), *вертепѣнище* увелич. к *вертеп* 'овраг' (тул.), *вертебя* ж.р. 'слепая карстовая балка с понорой' (Центрально-Черноземная область), *вертебѣнище* 'овраг' (тул.). Согласно данным московского исторического словаря, народный географический термин с семнадцатого столетия проникает в русский литературный язык¹³.

Все эти восточнославянские формы и значения, которым пока не уделено достаточного внимания, едва ли возводимы к церковнославянскому слову. Их, наряду с южнославянскими, следует при-

знать независимыми свидетельствами существования праславянского диалектного слова¹⁴. Ввиду наличия вариантности словоформ, вероятно, надо допустить, кроме **vьrtьрь* и **vьrtьрь*, также **vьrtьбь*. В отношении семантики следует отметить, что значение 'ухаб на дороге' присуще румынскому и русскому языкам, но чуждо болгарскому.

Таким образом, установленный праславянский характер слова исключает допущенную Георгиевым¹⁵ возможность его происхождения из древнебалканского, а именно – дако-мизийского субстрата. Повод для такого допущения ему дали созвучные образования в античной топонимике северо-восточных Балкан вроде *Burdapa*, *Βουρδοπα*, *Βουρδωλες* и т.д., связь которых с нашим словом возможна, но, в отсутствии сведений об их семантике, недоказуема¹⁶.

Однако в другом индоевропейском языке всё же существует сложное слово, совпадающее по форме и значению со славянским. Это перс. *girdāb* 'водоворот, опасное место в реке или в море, в котором течения образуют вращательное движение воды; пропасть, бездна'. Новоперсидская форма возводима к др.-иран. **vrtāp-*, поскольку др.-иран. (и ср.-перс.) *v-* в начале слова отражено и в новоперсидском как *g-*, а слоговой сонант *r* как *ir* в позиции перед переднеязычным¹⁷, который, в свою очередь, уже в среднеперсидском озвончился так, как и конечный губной. Кстати, структура персидского слова прозрачна и точно соответствует той, которая принята Георгиевым для слав. **vьrtьрь*. Вторым его членом является н.-перс. *āb* 'вода', а первым – корень н.-перс. глагола *gard-/gaštan* < ср.-перс. *ward-/waštan* 'вращаться' из др.-перс. **vart-/vrt-*, ср. авест. *varət-*, др.-инд. *vártate*, *vṛttá-*, лат. *vertere*, др.-в.-нем. *werdan*, лит. *virsti*, ст.-слав. *вѣртѣти* и т.д. < и.-е. **uert-/uort-/urt-* 'вертеться'¹⁸. Правда, Георгиев в качестве второго члена в **vьrtьрь* принимает не и.-е. *ap(o)-*, а *up(o)-*, но он едва ли прав, когда отделяет лит. *ùpe*, лтш. *upe* 'вода' от др.-прусс. *ape* 'ручей, речушка', *apus* 'источник' и далее от тох. АБ *āp-*, др.-перс., авест. *ap-*, др.-инд. *āp-*, хет. *ḫap-* < и.-е. **H₂ep-* 'вода, река'. В отношении начального вокализма восточнобалтийское и древнепрусское слова соотносятся между собой точно так же, как лит. *ugnìs*, лтш. *uguns* 'огонь' и др.-инд. *agní-*, праслав. **ognь*. Поскольку этимологическая связь между этими последними словами несомненна, кажется более целесообразным рассматривать балт. *up-* как ступень редукции от *ap-* < **H₂ep-*, чем принять расхождение внутри балтийской языковой общности в столь фундаментальной лексической категории, как обозначение воды, реки (ср. Trautmann 11; Pokorny I, 52; Fraenkel II, 1169; Stang 35; Топоров. Прус. яз. I, 97 (сдержанно); Maughofer l.c.), тем более, что достоверных свидетельств существования и.-е. **up-* 'вода' нет. Здесь предполагалась слабая ступень сампрасарана-корня, долгая ступень которого была

бы отражена в др.-инд. *vārī* и ст.-слав. *ѡпа* ‘озеро, лужа’ (Рокоту I, 1149)¹⁹, но это сопоставление кажется сегодня бесперспективным, поскольку для поздно засвидетельствованного др.-инд. слова предпочтается внутриязыковая этимология, относящая его к глагольному корню *VAP*¹ ‘рассыпать’ и принимающая изначальное значение ‘насыпь’ (Mayrhofer III, 466). Если славянское слово отделить от древнеиндийского и рассматривать особняком, то самой вероятной кажется его связь именно с и.-е. **H₂ǵp-* ‘вода’ при допущении протетического *ǵ*²⁰. Восточнославянский вариант **vьrtьpъ*²¹ как будто подкрепляет наше предположение, что во втором слоге речь идет не об этимологическом **i*, а об отражении и.-е. редуцированного гласного. В данном случае корневой гласный слова **ǵp-* ‘вода’ мог претерпеть редукцию в процессе словосложения. Ср. нулевую ступень того же слова **H₂p-* в качестве второго члена сложных слов др.-инд. вед. *dvīpá-*, авест. *dvaēpa* ‘остров’, др.-инд. *prafīpá-*, *nīpá-*, *anīpá-*, где ларингальным обусловлено удлинение предшествующего гласного²². Если исходить из *ǵrt-H₂p-ó-*, в славянском ожидалась бы утрата ларингального как в **dъkt’i* < *dhugH₂ter-*, но возникшая таким способом группа *tp* трудна для произношения, что способствовало развитию в ней сверхкраткого “сварабхактического” гласного неопределенного тембра **ǵrt̥po-*, отражавшегося в позднепраславянском то как *ъ*, то как *ь*. Итак, можно говорить не только о семантическом, но и об этимологическом совпадении обеих частей сложных слов н.-перс. *gird-āb* и слав. **vьrt-ь/ьpъ*, различающихся лишь аблаutoй ступенью второго члена.

Этимологическое совпадение необязательно подразумевает и этимологическое тождество: надо учитывать в родственных языках возможность параллельных, независимых друг от друга образований, оперирующих родственным языковым материалом и пользующихся одними и теми же словообразовательными моделями. Между тем, имея в виду реликтовый характер славянского слова, содержащего самостоятельно не сохранившееся и.-е. обозначение воды, и учитывая ареальное соприкосновение праславянского и древнеиранского языков, следует говорить о пока не замеченной славяно-иранской изоглоссе²³. Заимствование в славянский из иранского, в котором обе части сложного слова живы до сих пор, допустимо, но общее наследие в двух языках кажется более правдоподобным. Что касается персидского слова, то его древность довольно вероятна. Из персидского оно вошло в турецкий язык (тур. *girdab*), где засвидетельствовано с семнадцатого столетия²⁴, а из него – в балканские языки, см.: болг. *гердан* ‘водоворот’ (Младенов 99), серб. *ђердан* то же, *Бердан*, название Железных ворот на Дунае (Skok I, 479; Škaljić 249), рум. *gherdap* то же (Lokotsch 724). Может быть, окажется, что оно имеет соответствия в других новоиранских языках.

Для нас особенно интересна, но, к сожалению, непроверяема, возможность того, что слово данной структуры существовало в вымерших скифо-сарматских говорах, соседствовавших в течение столетий на юго-востоке с праславянским языком.

Отождествление н.-перс. *gird-āb* = праслав. **vьrt-ь/ьръ* < и.-е. **urt-H₂(ā)p-ó* позволяет сделать выводы, касающиеся и.-е. обозначения воды и его судьбы в балто-славянском: и.-е. *H₂ǎr* отразилось в нем, по-видимому, во всех трех ступенях аблаута: кроме полной ступени в др.-прус. *are*, находим его долгую ступень в ст.-слав. *впа* и редуцированную в лит. *йре*, лтш. *ире*, праслав. **vьrt-ьръ*/**vьrt-ьръ*, тогда как гипотеза о существовании в праиндоевропейском синонимичного **ur-цōr* ‘вода’ практически лишается основания.

Примечания

- ¹ Miklosich 385–386 s.v.: “Das Wort ist dunkel”.
- ² БЕР даёт и ряд других значений: ‘воронкообразное углубление’, ‘ущелье’, ‘излучина реки’, ‘дорога’, ‘вихрь’, устар. ‘притон’ (Вазов), ‘ровная удобная местность’ (Банско).
- ³ Младенов Ст. Грамматика на българския език. София, 1939, 158.
- ⁴ Скок умер в 1956 г. и, следовательно, не мог быть знаком со статьями Шюца и Георгиева (см. ниже) так же, как и они – с его словарем, вышедшим посмертно, в семидесятых годах.
- ⁵ Георгиев Вл. “Наставката” -оп и произходът на думите *вързон*, *въртон*, *въпа* // БЕ 1961 X, кн. 4, 302–307. Далее – Георгиев 1961.
- ⁶ Там же, 304.
- ⁷ Пешикан М. Стара имена из Доњег Подримља // Ономатолошки прилози II. Београд, 1987, 1–119.
- ⁸ Ср. в топонимии *Мали* и *Велики Вртон*, две деревни недалеко от Ниша (ю.-вост. Сербия), *Вртон*, местность в деревне Велика Ясикова у Неготина (сев.-вост. Сербия) (RJA s.v.; неясно, откуда в загребском словаре значение ‘горное пастбище, большое государственное имение’; здесь дана единственная ссылка на *Милићевић М. Ђ.* С Дунава на Пчињу. Београд, 1882, где указано, что в пиротском округе *вртон* обозначает то, что в других краях Сербии называют *вртача*, т.е. впадину в карсте.
- ⁹ *Бојанић М. / Тривунац Р.* Рјечник дубровачког говора // СДЗБ XLIX. Београд, 2002. Для *вртпа* также возможно церковнославянское происхождение, ср. форму *цртвац* в Македонском и Слечанском апостолах (SJS).
- ¹⁰ *Bezljaj Fr.* Zbrani jezikoslovni spisi I. / ur. M. Furlan. Ljubljana, 2003, 56.
- ¹¹ *Tiktin H.* Rumänisch-deutsches Wörterbuch/Überarb. u. erg. von P. Miron. Wiesbaden, 1987, II s.
- ¹² *Владимирская В.В.* К истории слова *вертеп* в русском языке в связи с проблемой столкновения омонимов // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1968, вып. VI, 28–40.
- ¹³ Ср. употребления типа *стель была песчаная, бугровая, вертепы глубокие безводные* 1678 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 2, 267–268), вряд ли возводимые к ст.-слав. значению ‘пещера’. СлРЯ XVIII в. 3, 50 выделяет как областные значения ‘ущелье, расщелина’, ‘труднопроходимый овраг, впадина’.

- ¹⁴ Это правильно заметила *Влајућ-Поповић Ј.* в одном примечании (№ 21) к своей статье Да ли је јсл. **vьrtь* 'hortus' ипак домаћа реч? // *Dzieje Slowian w świetle leksyki. Pamięci Profesora Franciszka Ślawskiego.* Kraków, 2002, 495, где, кстати, отказалась от рассмотрения данного слова, сосредоточась на **vьrtь* 'сад'.
- ¹⁵ *Георгиев* 1961, 304–305, примеч. 2.
- ¹⁶ Шестнадцать лет спустя Георгиев в своей книге о фракийском языке (*Георгиев В.* Траките и техният език. София, 1977, 64, 70) останавливается на объяснении последней части данных местных имен в связи с и.-е. **ap-* 'вода', тогда как их первую часть теперь возводит к и.-е. **bh̥dho-*, которое нашло отражение в лит. *birdà* 'болото', слав. **brodъ*.
- ¹⁷ Ср., напр., н.-перс. -*gird* 'город' (в топонимических названиях) < др.-перс. *kyta-* 'созданный' и, с другой стороны, н.-перс. *buzurg* < др.-перс. *vazrka-* 'большой'.
- ¹⁸ Ср. *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893, 1 s.v. *ab*, 198 s.v. *gāšten*, 201 s.v. ²*gird*, *gerd*, *gerden*; Абаев III, 92 s.v. *woerdyn*; Mayrhofer I, 81 s.v. *áp-*, II, 518–519 s.v. VART. Локоч видит в первом члене сложного слова н.-перс. прилагательное и наречие *gird* 'круглый; вокруг' (*Lokotsch*, 57 § 724), которое отождествляется Горном с др.-инд. страдательным причастием *vṛta-* (*Horn*. Op cit., 201), но более оправданным кажется принять здесь *gird-* за чистый корень глагола **vṛt-*.
- ¹⁹ Также *Георгиев* 1961, l.c.
- ²⁰ Ср., однако, назализированный (?) вариант ср.-болг. *вѣла*, к которому (а не к **вѣра*, вопреки Георгиеву) восходит болг. диал. *вѣна*, *вона*.
- ²¹ Если допустить, что с.-хорв. *вртна* и словен. *vrter* – достоверные диалектные формы (см. выше), то всё равно нельзя определить, какой вариант лежит в их основе – еровый или еревый.
- ²² О данных словах см. недавний доклад: *Велизара Садовского* Zum Sprachwandel im Indoiranischen anhand von Material der Nominalkomposition: die Wortform *abhīpatás* und die *vr̥pá-*Komposita (в печати).
- ²³ Ср. новейший обзор: *Cvetko-Orešnik V.* K metodologiji preučevanja baltoslovansko-indoiranskih jezikovnih odnosov. Ljubljana, 1998.
- ²⁴ Ср. *Stachowski St.* Osmanlı Türkçesinde Yeni Farsça Alıntular Sözlüğü / Wörterbuch der neupersischer Lehnwörter im Osmanisch-Türkischen. Istanbul, 1998, 104.

А. Маньков

ГЕРМАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ: ДР.-ИСЛ. *bqđ* 'БИТВА' И *bedr* 'ПОСТЕЛЬ'

Др.-исл. *bqđ*. К индоевропейским соответствиям др.-исл. *bqđ*, -*var* f. 'битва'¹ можно добавить рус. диал. *бодва́*, *бодовьё* 'основа срубá' (Даль² 106). Это существительное, как мы предполагаем, связа-

* Это исследование финансировано Шведским институтом (Svenska institutet, Stockholm) в 2005 г. Выражаю глубокую благодарность проф. Сванте Страндбергу (Уппсальский университет), взявшему на себя труд прочитать рукопись и сделать ряд замечаний и уточнений. Я также глубоко благодарен Т.А. Тоштендаль-Салычевой, без чьей помощи выполнение исследования было бы невозможно.